

последствий аварии на ЧАЭС, украинский министр здравоохранения А. Романенко предложил сказать людям хотя бы усеченную правду. На это председатель Совмина УССР А. Ляшко ответил: «Мы посоветуемся с Правительственной комиссией по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, говорить ли вам это завтра в 10 часов по радио или поручить участковым врачам». Однако выступление Романенко состоялось не 4, а 8 мая и было насквозь пропитано ложью. Лгали и участковые врачи.

21 мая 1986 г. первый заместитель министра здравоохранения О. Шепин в письме за номером 02-6/83-6 учил уму-разуму своего украинского коллегу А. Романенко: «...указанным лицам, подвергшимся воздействию ионизирующего излучения, находящимся в стационаре и не имеющим признаков острой лучевой болезни, при выписке устанавливать диагноз «вегето-сосудистая дистония». 27 июня появился еще один документ — распоряжение Третьего главного управления Минздрава СССР — «Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС»: «... 4. Засекретить сведения об аварии... 8. Засекретить сведения о результатах лечения. 9. Засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Начальник Третьего главного управления МЗ СССР Шульженко».

Не обошлось и без вездесущего КГБ. 30 июня 1986 г. КГБ СССР распоряжается прекратить разговоры об аварии. Приказ этот нагонял страх на редакторов газет, радио и телевидения («Вечерний Киев» от 12 декабря 1991 г.)

Главный санитарный врач СССР О. Кондрусев преступил клятву Гипократа, три раза подряд, с 1989 г., снижая нормы предельно допустимого уровня радиационного загрязнения сельхозпродукции. Первый зам. председателя Госагропрома УССР О. Ткаченко и министр здравоохранения УССР А. Романенко разрешили использо-

вать при изготовлении колбасы радиоактивное мясо (все — секретными циркулярами). Получая от Укрсельхозхимии карты уровня радиационного загрязнения территории республики, Госагропром УССР скрывал эту информацию, препятствуя поступлению ее на места.

Свою лепту внес и Госкомгидромет, на этот раз директивы шли от его московского шефа Ю. Израэля. В Киеве обнаружены документы украинского отделения Госкомгидромета, руководитель которого предписывал засекретить данные: об истинных причинах аварии на 4-м блоке, о характере разрушений на нем; о величине и составе радиоактивных выбросов; о радиоактивной обстановке на ЧАЭС и в 30-километровой зоне; об облучении обслуживающего персонала и тех, кто помогал бороться с аварией; обо всех болезнях, связанных с аварией и ее ликвидацией...»

Всеми силами душило гласность Министерство обороны СССР. Вот еще один документ — «Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии Минобороны СССР» от 8.07.87 г. № 205, направленное в военкоматы. «... Отдаленными последствиями, обусловленными воздействием ионизирующего облучения, следует считать: лейкемию или лейкоз через 5—10 лет после облучения в дозах, превышающих 50 рад. 2. Наличие острых соматических расстройств, а также признаков обострения хронических заболеваний у лиц, привлекавшихся к ликвидации последствий аварии и не имеющих ОЛБ (острой лучевой болезни — В. Б.) не должно ставиться в причинную связь с воздействием ионизирующего облучения. 3. При составлении свидетельств о болезни на лиц, ранее привлекавшихся к работам на ЧАЭС, не перенесшим ОЛБ, в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую степени ЛБ. Начальник Х ВКК полковник медицинской службы Бакшутев». Вот так цензура душила гласность о радиации, убивавшей тысячи людей.

(Окончание в следующем номере)

КАК ДУШИЛИ ПРАВДУ О ЧЕРНОБЫЛЕ

Чернобыльская катастрофа имела бы куда меньшие последствия, не находись вся правда о ней под контролем КПСС. Удалось бы спасти тысячи людей, многое успеть, имей советское правительство смелость в первые же часы перестать лгать. Об экологической и медицинской цензуре в информации о Чернобыле рассказывает украинский публицист В. Е. БОРЕЙКО.

Информация о неудачах с атомом «мирным» и атомом «военным» всегда находилась в СССР под семью замками. До 1990 г. люди ничего не знали об авариях на отечественных АЭС, «почтовых ящиках» с атомной начинкой, о радиационном заражении вокруг Семипалатинского и Ново-Земельского полигонов, о Кыштымской трагедии 1957 г. и многого другого.

Только в Киеве с 1968 по 1970 г. произошло четыре аварии на научно-исследовательских ядерных реакторах. Во время одной из них облучились двадцать человек, во время другой на киевские улицы выпал радиоактивный йод общей активностью 40 кюри. Однако горожане ничего не знали — вся информация была упрятана в сейфы.

Это и понятно. Приказами Главлита СССР еще в 1957 г. (после Кыштымской трагедии) данные о степени радиоактивного заражения воздуха, почвы, водоемов по всей территории СССР были строго засекречены. С конца 70-х гг. в спецхраны попали «сведения об обеспечении безопасности работы атомных электростанций», а также «допустимые дозы радиационного облучения человека». Вообще, для публикации материалов, связанных с атомной энергетикой, даже в центральной партийной печати требовалось несколько виз, вплоть до визы министра.

Преступление, приобретающее характер всеобщий, перестает восприниматься как преступление, превращаясь в

некую норму жизни. Чернобыль стал логическим завершением информационной блокады, а мы, заложники советской пропаганды, — его жертвами.

Гласность не возникает и не исчезает сама по себе. Есть механизмы, «включающие» и подавляющие ее. Следует их знать, если мы действительно желаем демократии. Дабы вновь не свернуть на дорогу, ведущую в тупик, необходимо разобраться, как действовала цензурная машина после взрыва реактора.

Пусть простит мне читатель, ежели я что-то упущу, ибо восстанавливать по обломкам механизм уничтожения правды о Чернобыле ныне необыкновенно трудно. Эта статья не появилась бы, если бы мне не помогли сотрудники Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) Украины, ЦГАОО Украины (бывшего партархива ЦК КПУ), материалы бывшего народного депутата СССР Аллы Ярошинской и, конечно, активисты историко-культурной экспедиции и Группы независимого общественного расследования аварии на Чернобыльской АЭС и ее последствий при Украинской экологической ассоциации «Зелений світ».

Врачи и чиновники

Молчание — один из худших видов лжи. Дезинформация — ложь вдвойне. КПСС с успехом применяла оба эти средства. В первой же информации об аварии 26 апреля в 9 часов 30 минут от секретаря Киевского обкома партии Г. И. Ревенко была ложь — мол, «угрозы для населения города нет». А второй секретарь Киевского обкома запретил информировать о беде население г. Припять, и горожане поехали на огороды, на рыбалку.

Впервые в информационном выпуске Украинского республиканского радио об аварии сообщили лишь 28 апреля, потом 30-го. Выступление министра здравоохранения УССР А. Ро-

маненко по Украинскому телевидению состоялось 8 мая 1986 г., а первое выступление представителя Политбюро ЦК КПУ на страницах газет (секретаря Б. Качуры) появилось только в начале 1989 г. (!)

Как дезинформацию можно расценивать преступное решение оперативной группы Политбюро ЦК КПУ о проведении в Киеве в эти дни первомайской демонстрации, «Велогонки Мира» и запрете на вывоз детей из Киева. Сам Горбачев молчал долгих 18 дней, почти три недели...

В книге «Частная жизнь Горбачева» («Тайм», 1988 г.) есть такие строки: «Потребность в прекращении самообмана вызвала к жизни самое успешное и эффективное нововведение Горбачева — гласность... Как политическая линия и как концепция, гласность привела к глубоким переменам в восприятии Советским Союзом всего мира и самого себя. Это очевидная истина, но она не встретила всеобщего одобрения и понимания в Советском Союзе, где гласность развивалась рывками. Политика гласности оказалась на грани провала при первом же серьезном испытании. Это случилось 26 апреля 1986 г... Горбачев и его приближенные хранили молчание, не предупредив об этом ни собственных сограждан, ни соседние страны».

Редактор газеты «Правда» по отделу науки В. Губарев вспоминал, как главный редактор главного партийного органа В. Афанасьев несколько раз звонил «наверх», но никак не мог добиться разрешения послать журналиста в Чернобыль. И лишь благодаря секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву это состоялось — В. Губарева командировали на место аварии с целью собрать... точную информацию о случившемся. Московские цэковцы, видно, не очень-то верили своим украинским эпигонам. Как, впрочем, и заверениям председателя Госкомгидромета СССР Ю. Израэля и академика АМН СССР Л. Ильина от 7 мая о том, что обстановка в Киеве и области для населения безопасна.

Но и само знаменитое выступление М. Горбачева 14 мая 1986 г. оказалось мало объективным. Оно насквозь пронизано желанием скрыть настоящие масштабы аварии, сделать вид, что ничего страшного не произошло, и, естественно, дать «отпор выдумкам буржуазной пропаганды». Генсек предложил начать новый этап по ликвидации атомного оружия, запрету ядерных испытаний, создать систему международной безопасности. Вещи, конечно, сами по себе хорошие, но не тогда о них нужно было говорить. Народ ждал правды, а услышал полуправду, которая стала прямым руководством к действию на местах.

В информации Киевского горкома КПУ от 22.05.1986 г. за подписью Ю. Ельченко говорится, что в Киеве 21 мая провели «День лектора», в котором приняли участие 1700 человек. Людям разъяснялось, что за пределами 30-километровой зоны ничего опасного нет. Примерно в эти дни Узбекистан предложил помощь пострадавшим киевлянам, взяв на себя обязательство забрать на отдых 30 детей. Киевские коммунисты ответили: спасибо, помощь не нужна, все наши дети уже «на отдыхе».

25 мая 1986 г. председатель Совмина УССР А. Ляшко по требованию МИД СССР встречается с руководителями посольств 59 держав и заверяет иностранцев, что «последствия аварии не представляют опасности для их здоровья». В то же время союзному Минздраву предписывается по первому требованию организовать проверку здоровья иностранных подданных. При этом имеется в виду, что «положительные результаты будут оказывать успокоительное воздействие на иностранцев». Более того, ставится задача «исключить выезд за границу заболевших людей, чтобы не позволить «нашим врагам» использовать случайные факты в антисоветских целях» («Набат», № 30, 1992).

Любопытно, что еще 3 мая 1986 г. на заседании оперативной группы Политбюро ЦК КПУ по ликвидации